

Познавательный потенциал качественных методов при изучении отношения к мигрантам в городах России (на примере Москвы и Краснодара)

Н.П. Космарская (Институт востоковедения РАН, Москва)

В рамках международного проекта, посвященного современному национализму в России (NEORUSS)¹, ориентированного преимущественно на изучение образцов идеологии и дискурса (власти, оппозиции, СМИ), автором была предпринята попытка перейти на микро-уровень, обратившись к мнениям рядовых людей. Более всего нас интересовали мнения, полученные не через массовые социологические опросы, а в ходе персонального интервьюирования — жанра, более свободного по форме. В российском обществе, переживающем активный приток мигрантов, многие из которых являются для принимающего населения этнокультурными «другими», фиксируемые на микро-уровне ксенофобия и бытовой национализм выступают в первую очередь в форме мигрантофобии. Поэтому нашей целью стало изучение, с помощью качественных методов, отношения к мигрантам и миграции жителей двух крупных российских городов — Москвы и Краснодара. В докладе будут представлены некоторые результаты этого сравнительного исследования.

Выбор методологии имел для нас принципиальное значение. И количественные, и качественные методы изучения общественного мнения имеют свои ограничения. Наше стремление обратиться именно к методам персональных интервью вызвано реакцией на доминирование в данном проблемном поле обезличенных массовых опросов: в России они стали практически монопольным мерилем восприятия мигрантов и миграции на микро-уровне. В процессе исследования мы постарались понять, как и в чем персональные интервью могут послужить углублению знаний об изучаемой проблеме по сравнению с ситуацией анкетирования на основе закрытых вопросов — метода, имеющего определенные недостатки.

В частности, при массовых опросах люди зачастую поставлены перед необходимостью реагировать на идеи и утверждения, которые по форме или содержанию не соответствуют их образу мысли. Качественные же исследования в виде полужформальной беседы, без «неожиданных» для респондента формулировок, способны лучше улавливать форму, логику, терминологию и образ мысли информанта. Далее, жанр персонального интервью более подходит для нивелирования воздействия публичного и политического дискурса на ответы респондента (хотя вряд ли этого можно добиться в полной мере). Формулировки же закрытых массовых вопросов обычно строятся как противопоставление крайних мнений и

¹ Международный проект под названием «Национальное строительство, национализм и новый 'другой' в современной России» осуществлялся при поддержке Исследовательского Совета Норвегии (2013-2016, № 220599).

потому носят провоцирующий характер; к тому же они нередко содержат штампы, почерпнутые из СМИ. Наконец, в России — стране таких огромных размеров и с таким разнообразием этнокультурных и социально-экономических ландшафтов, важной научной задачей является выявление региональной специфики бытовой ксенофобии и мигрантофобии. Однако массовые опросы, в силу специфики этого метода, нацелены в первую очередь на выявление «общего», нежели «особенного».

Нами был избран максимально «мягкий» стиль исследования: интерес интервьюера к теме миграции и сопутствующим сюжетам заранее не декларировался. В беседах с информантами им сообщалось, что изучается жизнь обычных людей в том или ином городе — как они воспринимают перемены, какие встречаются трудности и каковы возможные пути их преодоления. В качестве «нарративного толчка» служила фраза: «Расскажите, пожалуйста, о вашей жизни в...» таком-то городе. Вместо прямых задавались косвенные вопросы, потенциально связанные с миграцией, но без «подсказок». Например, обсуждались проблемы транспорта, благоустройства, социального обслуживания; личная безопасность, уборка улиц и др. Эти темы обычно приводили к высказываниям информантов о миграции.

Выбирая исследовательскую тактику, мы опирались на опыт Роджерса Брубейкера и его коллег, которые изучали качественными методами (интервью и фокус-группы) разнообразные проявления этничности в жизни людей (на примере повседневного взаимодействия венгров и румын в Трансильвании). Как отмечает ученый, «мы избегали прямых вопросов об этничности и демонстрации нашего интереса к этому сюжету». При этом он ссылается на известное высказывание Томаса Эриксона: «Если вы идете в “поле” в поисках “этнического”, вы это и найдете»². Этничность является лишь одним, причем далеко не единственным способом интерпретации и осмысления людьми социальной действительности³. Феномен мигрантофобии и ксенофобии, как форм этнизации и социальной иерархизации, можно трактовать аналогичным образом. Потому для выявления этих феноменов «подсказки» в ходе интервью мы сочли неуместными.

Эмпирической базой исследования служат 60 полуструктурированных интервью с «принимающим населением» Москвы и Краснодара (по тридцать в каждом городе), проведенные с конца 2013 г. по середину 2015 г. Под «принимающим населением» нами понимаются люди, живущие в том или ином городе достаточно долгий срок (минимум пять-семь лет), имеющие постоянную регистрацию в паспорте, жильё и работу. Хотя массив опроса, естественно, не является статистически репрезентативным, мы старались соблюдать

² *Brubaker R., Feischmidt M., Fox J., Grancea L. Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town.*— Princeton: Princeton University Press, 2006, p. 15.

³ Там же.

баланс «выборки» по полу, возрасту, уровню образования, социальному статусу респондентов, а также району их проживания.

Нашей целью являлось не только сравнение между собой двух массивов интервью, но и сравнение последних с результатами массовых опросов, проведенных Центром РОМИР по заказу организаторов проекта NEORUSS в Москве и Краснодаре (1300 чел.).

Выбор Краснодара в качестве «пары» для сравнения со столицей обусловлен как существенными различиями между городами, так и важной общей чертой: оба города долгое время являются магнитом для множества (трудовых) мигрантов не только из различных регионов России, но и из ближнего зарубежья (Центральная Азия).

Одним из важных результатов исследования⁴ стало выявление контекстуальных (фоновых) факторов, связанных в сознании информантов с темой миграции и во многом определяющих отношение к ней. Тут стоит заметить, что в западных работах, посвященных восприятию международной миграции жителями различных европейских стран, в качестве независимых переменных, потенциально воздействующих на отношение к мигрантам, часто используются некие общие характеристики социально-экономической системы, сведенные к формализованной, измеряемой форме. Такие показатели называются контекстуальными (*contextual*), или структурными. При анализе материалов нашего интервью выяснилось, что тема миграции (мигрантов) тоже «упакована» в «контексты». Но в нашем случае термин «контекст» имеет иное значение – это сюжеты, при обсуждении которых миграционная тема возникает, интерпретируется и осмысливается информантами. Причем, судя по устойчивому присутствию «контекста» во многих интервью, по времени, которое уходило на его обсуждение, по «градусу» выражаемых при этом эмоций — «контекст» для наших собеседников не менее, а иногда более значим, чем собственно мигранты и миграция.

На наш взгляд, выявление и интерпретация фоновых факторов может стать перспективным направлением изучения, с помощью интервью, отношения к миграции в разнообразных региональных/локальных ситуациях. Так, в двух городах устойчиво повторяющиеся в интервью сюжеты, занимающие горожан в связи с миграцией, оказались совершенно разными.

В **Москве** важным «контекстуальным» фактором стал сюжет, который мы условно назовем «коррупция». В ходе интервью респонденты могли выражать свое мнение, в т.ч. недовольство, в свободной форме, и выявились конкретные раздражающие людей темы:

⁴ Некоторые результаты исследования по Москве изложены, в частности, в: Kosmarskaya N., Savin S. Everyday Nationalism in Russia in European Context (Moscow Residents' Perceptions of Ethnic Minority Migrants and Migration) // The New Russian Nationalism, 2000-2015: Imperialism, Ethnicity, Authoritarianism. Ed. by P. Kolsto & H. Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 132-159.

коррупция и связанные с ней теневой бизнес, факты привлечения нелегального труда, злоупотребления чиновников и полиции, неэффективность работы социальных, жилищно-коммунальных служб. При обсуждении этих тем мигранты неизменно «присутствуют», потому что они «визуализируют» эти болячки московской/российской социальной жизни, являются раздражающим или огорчающим напоминанием о проблемах. Понятно, что Москва, с ее разнообразием легальных и нелегальных форм экономической деятельности; огромным объемом задействованных финансовых и трудовых ресурсов, в том числе «привозных»; с активизацией в последние годы программ строительства и благоустройства, — ярко демонстрирует все описанные неблагоприятные явления.

Присутствующие во многих интервью нарративы, в которых миграция «вписана» в контекст «коррупции», были построены двояким образом. Респондент обсуждает какую-либо городскую социально-значимую проблему, затем в беседе происходит «соскальзывание» на тему миграции, поскольку для респондента она является «естественным» и ожидаемым продолжением давно сложившейся «неблагоприятной ситуации». Например, обсуждается, почему в городе не могут качественно отремонтировать дороги:

«Р. Тот же самый хозяин, который руководит этим предприятием ремонтно-строительным каким-нибудь, ему не надо это. Он один раз получит за эту дорогу, и все. А дальше? А так он каждый год туда-сюда ходит, ремонтирует, деньги снимает. Дороги плохие — правительство московское платит. А замены нет. Бизнес поделен. Он здесь уже закрепился, у него связи, естественно, в том же правительстве Москвы. Механизм отлажен...

И. Решение есть, но его трудно реализовать...

Р. Вся эта структура построена с использованием неквалифицированного труда [мигрантов]. А чтобы ее разрушить, нужна воля политическая. А своих-то жалко, они же свои» (мужчина, 63 г., высш. техн. обр., охранник в частной фирме).

Во втором варианте нарратива наблюдения/мнения респондента о миграции и мигрантах «развертываются» далее в более общую оценку социально-политической проблемы. Например, респонденты говорят о «резиновых квартирах» и ужасных условиях, в которых живут мигранты:

«Р. Чтобы так жить... около 3800 за это место... Там одна киргизка квартиру снимала себе...

И. А потом пересдает?

Р. Потом она набирает своих собратьев и селит. С хозяйкой договорилась, что сама там будет жить, примерно 30 тыс. в месяц выходит, а если 18 человек по 3800? Вот уже

мафия здесь организовывается... [Полиция] видит все, знает все. По телевизору смотришь — каждый день их сажают, сажают, и все равно им пихают и пихают... Ну что за народ?» (мужчина, 66 лет, ср. обр., вахтер на пенсии).

При анализе нарративов «коррупции» также обращает на себя внимание то, что буквально все респонденты — от бизнесмена до учительницы, от пожилой пенсионерки до вчерашней студентки — прекрасно представляют себе противозаконные схемы привлечения труда мигрантов: *«Их для того и привезли, чтобы обманывать и класть на карман»* (мужчина, 66 лет, ср. обр., вахтер на пенсии). Мигрантов видят «встроенными» (не по их воле) в эту систему, возникшую задолго до их появления, при этом самих мигрантов респонденты обычно не обвиняют.

Второй «контекстуальный» фактор, часто переплетенный в интервью с темой миграции и определяющий отношение к ней, укладывается в концепт «защищенного локального пространства» (*defended neighbourhood theory*)⁵. Речь идет о том, что в условиях быстрых изменений локальных (в нашем случае — на уровне города, микрорайона, двора) условий жизни у людей теряется ощущение привычности, комфортности среды обитания. Эти изменения имеют, как минимум, две составляющие: трансформация материальной городской среды и появление новых, непривычных по своему виду людей. В Москве, как постиндустриальном мегаполисе, уже давно почти утрачены традиции «соседства», локальной поддержки и взаимодействия. Вот почему, когда появляется множество «других», москвичи видят в этом факте зримое воплощение краха «старого мира». Хотя этот мир ушел гораздо раньше, еще в ходе социально-экономических трансформаций советского и постсоветского времени, до начала фазы активных трудовых миграций было не столь много наглядных доказательств его разрушения. Казалось, что все вокруг «наши», и было спокойно. Теперь многие стали визуально «не наши» — и потому, с точки зрения респондентов, стало тревожно.

Такое восприятие отличительности мигрантов тесно переплетается с отношением к их «количеству». Мысль о том, что на реакцию местных жителей оказывает влияние страх, что «их у нас стало очень много», независимо от реальной численности, уже высказывалась исследователями⁶. В Москве, по данным РОМИРа, около 60% опрошенных считают, что там,

⁵ См., напр.: *Bevelander P., Otterbeck J. Young People's Attitudes Towards Muslims in Sweden // Ethnic and Racial Studies. 2010, vol. 33, № 3, p. 407.*

⁶ См., напр.: *Escandell X., Ceobanu A.M. When Contact with Immigrants Matters: Threat, Interethnic Attitudes and Foreign Exclusionism in Spain's Comunidades Autónomas // Ethnic and Racial Studies. 2009, vol. 32. № 1, p. 64-65; Böltken F. Social Distance and Physical Proximity: Day-to-Day Attitudes and Experiences of Foreigners and Germans Living in the Same Residential Areas // Germans or Foreigners? Attitudes Toward Ethnic Minorities in Post-Reunification Germany. Ed. by R. Alba, P. Schmidt, and M. Wasmer. – N.Y.: Plagrave Macmillan, 2003, pp. 236-237.*

где они живут, мигрантов свыше 40%. Эта фантастическая цифра как раз и возникла из страхов, раздражения и усталости, рождённых, во-первых, трудностями адаптации к ломке привычной среды; во-вторых, неосведомлённостью о причинах концентрации мигрантов в том или ином месте и об их роли в развитии города; наконец, спецификой Москвы как огромного, перегруженного людьми мегаполиса.

Перенаселённость Москвы является третьим характерным для столицы контекстуальным фактором восприятия миграции — фактором, тесно связанным с дискомфортом ломки локальных «пространств». Усталость от толпы, транспортная усталость, утомляющее многолюдье усугубляют ощущение, что приезжих «много» и их число «всё возрастает», а также порождают стремление избегать массовых контактов (отсюда, в частности, нежелание респондентов, выросших в небольших семьях, жить рядом с многосемейными и, возможно, шумными соседями).

Кстати, в связи с проблемой «перенаселённости» становится более понятной повышенная настороженность москвичек по отношению к мигрантам (по опросу РОМИРа)⁷. Судя по нашим интервью, подобное отношение обычно не сопровождается осознанными антимигрантскими установками. Оно сводится скорее к чувству «небезопасности» в ситуациях, когда рядом — скажем, на пустынной улице или в отдалённой части рынка оказывались большие группы мигрантов-мужчин. Причём после уточнения выяснялось, что такое же чувство страха могло возникнуть и при встрече с толпой «русских» мужчин. Однако вероятность встретить в Москве большую группу объединённых по какому-то признаку мужчин-немигрантов не так велика (воинские части, футбольные матчи и заезды байкеров не относятся к числу мест повседневного посещения). А вот мужчины-мигранты уже «объединены» в сознании женщины в условную «толпу» своей непохожестью и непривычностью.

Массив интервью, записанных в **Краснодаре**, рисует во многом отличную картину восприятия местными жителями мигрантов и миграции. Во-первых, сильно разнятся объекты этого восприятия. Для респондентов в Москве «мигранты» ассоциируются в первую очередь с выходцами из Центральной Азии. Они бросаются в глаза в публичных городских пространствах — из-за своей значительной численности и занятости в разнообразных сферах (строительство, транспорт, общественное питание и пр.). Кроме того, выходцы из региона, в силу физико-антропологических особенностей и отсутствия длительных традиций проживания в европейской части России и, в частности, в Москве, воспринимаются как явные и непривычные для глаза «другие». Люди, именуемые в народном лексиконе

⁷ Москвички практически по всем вопросам анкеты продемонстрировали более негативное отношение к мигрантам, чем россиянки, опрошенные по общероссийской выборке.

«кавказцами», упоминались москвичами в единичных случаях и в основном в качестве знакомых (коллег, соседей и пр.). А вот в Краснодаре мигрантов из Центральной Азии гораздо меньше, их привозят на конкретные стройки, рядом с которыми они и проживают, поэтому они незаметны в городе. Почти никто из респондентов (за исключением местных экспертов) не мог объяснить, где эти люди работают и где их можно увидеть.

Однако в Краснодарском крае, в силу "истории с географией", на первый план выходит проблема Северного Кавказа и отношений с представителями этих республик, которые в большинстве случаев трудовыми мигрантами не являются (по типу: приехал - заработал - уехал). Многие выходцы оттуда постоянно живут и работают в Краснодаре, находясь там, как граждане России, на законных основаниях.

Во-вторых, различается характер общения с «мигрантами». Если в Москве респонденты воспринимают мигрантов (а это, как уже указывалось выше, в первую очередь выходцы из трёх стран Центральной Азии) как абстрактную массу, лишённую каких-либо индивидуальных этнокультурных черт, нарративы краснодарцев гораздо более персонализированы. Интервью полны историй об общении с конкретными людьми других национальностей, будь-то сосед, сокурсник, коллега, продавец на рынке и пр. Это общение не всегда гармонично и бывает весьма напряжённым, и тут весьма значимой для людей оказывается проблема по-разному понимаемых культурных норм, (не)допустимости «этно-декларативного» поведения, а также, в более широком аспекте, проблема взаимосвязи этничности и социально-экономического статуса, этничности и культуры, этничности и территории. И контрагентами краснодарцев при проговаривании и осмыслении этих запутанных сюжетов являются в первую очередь представители северокавказских республик, а также «большого Кавказа» в целом (включая, например, армян — вторую по численности, после русских, этническую группу Краснодарского края).

Как показывают результаты полевых исследований в Краснодаре, контекстуальными факторами, устойчиво присутствующими в интервью его жителей в связи с миграцией, является тема «Кавказа» и близкая к ней тема «культуры»⁸. Интересным примером переплетения затрагивающих эти темы интерпретаций и ассоциаций являются многочисленные комментарии респондентов по поводу лезгинки. Это собирательное название танцев многих северокавказских народов; по сути, визитная карточка «кавказской» культуры. Более половины интервью содержали мнения респондентов, касающиеся не просто лезгинки как таковой, а фактов исполнения её в общественных местах Краснодара

⁸ Интересно, что мотив «коррупции» (в вышеозначенном понимании) в интервью рядовых краснодарцев отсутствовал, хотя вряд ли можно предположить, что связанные с привлечением легального и нелегального труда мигрантов теневые схемы и пр. в Краснодаре не используются (об этом аспекте миграционной ситуации в городе говорили лишь эксперты).

выходцами из северокавказских республик. Анализ этих высказываний позволяет нащупать некоторые глубинные причины социо-культурного напряжения в отношениях краснодарцев и этой группы этнических «других», привлекая наше внимание, в частности, к пониманию русскими своей «этнической культуры»; к локальным проявлениям так называемого культурного расизма, а также известных механизмов возникновения этнической неприязни — «культурного непонимания» (*cultural misunderstanding*) и перепадов социальных статусов (*power hierarchies*)⁹. Этот сюжет будет подробнее рассмотрен в ходе устной презентации.

Завершая тему расхождений в восприятии мигрантов среди москвичей и краснодарцев, отметим, в третьих, различия в терминах, используемых респондентами для описания этнокультурных «других». В Москве слово «мигрант» является органичной частью языка самих респондентов; его активно используют для обозначения выходцев из Центральной Азии. В Краснодаре же последних называют «*гастарбайтерами*» (как отмечалось выше, по инициативе респондентов о них упоминалось редко). В Краснодаре в ходу не слово «мигранты», а «приезжие»¹⁰, именно оно является привычным для рядовых жителей города, наряду с более конкретными обозначениями: «мусульмане», «люди с (Северного) Кавказа», «кавказцы». Часто упоминались также представители конкретных этнических групп. Таким образом, при изучении низовой ксенофобии в Краснодаре уместнее говорить не об отношении к «мигрантам», а к представителям различных этнических меньшинств.

* *
*

Каждый крупный российский город — это своеобразная площадка взаимодействия разных групп людей, различающихся местом рождения, культурой, языком, вероисповеданием и пр. На наш взгляд, нам очень не хватает исследований, нацеленных не на создание усредненной общероссийской картины, а на поиск региональной специфики такого взаимодействия.

Москвичи, отвечая, например, на абстрактные вопросы РОМИРа о мигрантах, причём это были зачастую вопросы с весьма «сильными» формулировками, выглядят гораздо большими ксенофобами, чем жители Краснодара. Пытаясь понять причины этих различий, на наш взгляд, не стоит использовать клише и поддерживать стереотипы — в частности, о

⁹ См., напр.: *Hagendoorn L. Ethnic Categorization and Out-Group Exclusion: Cultural Values and Social Stereotypes in the Construction of Ethnic Hierarchies // Ethnic and Racial Studies. 1993. Vol. 16. № 1. P. 26–51.*

¹⁰ В связи с этим могут, на наш взгляд, возникнуть сложности с интерпретацией ответов на вопросы РОМИРа в ситуации расхождения между исследовательским языком и языком респондентов. На образ какого «другого» ориентировались, например, респонденты в Краснодаре, отвечая на вопросы об «угрозе, которую несут мигранты», о «необходимости мигрантов для развития экономики» и пр.?

«зажравшихся» москвичих. Интервью с ними ясно показывают, что в силу специфики московской ситуации (национальный состав мигрантов, особенности их занятости и многое другое) жители города воспринимают доминирующих среди мигрантов выходцев из Центральной Азии как абстрактную массу, лишенную каких-либо персонализированных черт. Налицо два «параллельных», слабо пересекающихся между собой мира, контакты между которыми почти отсутствуют. В такой ситуации, на наш взгляд, общественное мнение гораздо сильнее подвержено воздействию стереотипов, продуцируемых СМИ. Это и отражают массовые опросы.

Интересно, что, отвечая на один из очень немногих вопросов московской анкеты — вопрос, опирающийся на знакомство людей с реальным положением дел и с реальными мигрантами, респонденты представили в основном нейтральные или позитивные реакции. Имеется в виду вопрос о качестве работы в Москве дворников (узбеков, таджиков, киргизов). Так, хотя 22,5% опрошенных РОМИР предпочли опцию: «Мигранты из Средней Азии убирают плохо, наши справились бы лучше», 45% выбрали иной вариант: «Где-то они убирают лучше, где-то хуже; неважно, кто дворник», а 24,3% согласились с тем, что «мигранты из Средней Азии работают лучше, чем наши».

Как показывает анализ интервью, в Москве миграция и мигранты рассматриваются в основном сквозь призму социально-политических и социально-экономических аспектов российской/городской жизни, в то время как в Краснодаре в фокусе внимания респондентов — социо-культурные и этнокультурные моменты. Если бы мы полагались лишь на результаты массовых опросов, эти и иные отмеченные в докладе различия остались бы незамеченными.

Так, например, по данным РОМИРа, 30% опрошенных в Москве были полностью согласны с мнением, что «ислам становится угрозой социальной стабильности и русской культуре»; еще 43% были «скорее согласны». Эта довольно «сильная» формулировка, опять же, скорее всего навеяна популярными в российских СМИ и экспертном сообществе алармистскими дискурсами, оценивающими миграцию с позиций «этнокультурной безопасности», «территориального этнического баланса» и т.п.

Данный результат контрастирует с материалами интервью: в Москве, в сравнении с социально-политическим «контекстом», этнокультурная специфика присутствующих в городе мигрантов волновала информантов гораздо меньше. В ходе наших бесед практически никто из них не затронул по собственной инициативе тему ислама, никто не трактовал тему «иной культуры» в контексте «угрозы»; не было содержательных высказываний, к примеру, о специфике культуры народов Центральной Азии. Говорилось в основном, в весьма общих выражениях, о появлении в городе множества незнакомых людей, которые (зачастую

громко) говорят на непонятном языке между собой и по телефону, слушают громкую музыку. Очевидно, что к собственно этнической культуре, этноконфессиональной специфике мигрантов это не имеет прямого отношения.

Исследователям нужно задавать себе разные вопросы при изучении отношения к мигрантам в разных российских городах. Метод непровоцирующего интервью может, на наш взгляд, стать действенным инструментом при поиске ответов на эти вопросы.